

УДК 81-139

Ю. А. Южакова

<https://orcid.org/0000-0002-5050-582X>

Флоронимы в лирике С. А. Есенина

Для цитирования: Южакова Ю. А. Флоронимы в лирике С. А. Есенина // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 76–82. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-76-82

Лексемы тематической группы «Номинации растительного мира» в поэтическом творчестве С. А. Есенина весьма употребительны, что определяет значимость для автора данного тематического компонента. В статье предпринята попытка классификации и анализа флоронимов, выбранных из лирических стихотворений поэта I тома полного собрания сочинений. Цель данной статьи – проанализировать частотность и особенности использования флоронимов в лирических произведениях, а также проследить закономерности развития идиостиля С. А. Есенина. В работе прослеживается употребление лексем следующих подгрупп: названия деревьев, кустарников, цветов, трав, зерновых и овощных культур. Их основные функции в поэтическом тексте: создание пейзажа, причём флоронимы чаще всего вызывают воспоминания о родном крае, а также изображение душевных переживаний лирического героя. Центральный природный образ – береза – для поэта имела прямую истинную связь с Родиной, и вся Русь была для С. А. Есенина «березовой». Береза С. А. Есенина становится «героиней» большинства стихотворений как символ любви к своему краю, к своей родине, к отеческому дому. Особенности словоупотребления: метафорический перенос значений, художественное олицетворение, нарушение лексической сочетаемости – создают индивидуальный стиль поэта Сергея Есенина. Кроме того, через употребление лексем данной тематической группы прослеживается близость автора к природе и народной среде, заложенные в детстве мифологические представления о травах и деревьях, фольклорные традиции в представлении русской природы и души человека, что расширяет наше представление о языковой и поэтической картине мира С. А. Есенина.

Ключевые слова: лирика С. А. Есенина, тематические группы, лексемы, флоронимы, номинации растительного мира, авторская манера, идиостиль.

Y. A. Yuzhakova

Floronims in S. A. Yesenin's lyrics

The lexemes of the thematic group «Nominations of the plant world» are very common in the poetry of S. A. Yesenin, which determines the significance of this thematic component for the author. The article attempts to classify and analyze the floronims selected from the lyrical poems of the poet in volume 1 of the complete works. The purpose of this article is to analyze the frequency and features of using floronims in lyrics, as well as to trace the patterns of development of S. A. Yesenin's idiosyncrasy. The paper shows the use of lexemes from the following subgroups: names of trees, shrubs, flowers, herbs, grains and vegetables. Their main functions in the poetic text are to create a landscape, with floronims most often evoking memories of one's native land, as well as to portray the lyrical hero's inner suffering. The central image of nature – the birch tree – had a direct true connection with the poet's homeland, and the whole of Russia was «birch-like» for S.A. Yesenin. Yesenin's birch tree becomes the "heroine" of most of his poems as a symbol of love for his country, his homeland, his father's home. The peculiarities of word usage, such as metaphorical transfer of meanings, artistic personification, violation of lexical compatibility, create the individual style of the poet Sergey Yesenin. In addition, the use of lexemes of this thematic group shows the poet's closeness to nature and people, the mythological ideas of herbs and trees from his childhood, folklore traditions representing the Russian nature and soul, which expands our understanding of the linguistic and poetic picture of S. Yesenin's world.

Key words: S. A. Yesenin's lyrics, thematic groups, lexemes, floronims, plant world nominations, author's manner, idiosyncrasy.

Введение

Близость С. А. Есенина к природе, его крестьянское происхождение объясняют частое использование поэтом лексем тематической груп-

пы «Растительный мир» в стихах. Цель данной статьи – проанализировать частотность и особенности использования флоронимов в лириче-

ских произведениях, а также проследить закономерности развития илиостилия поэта.

Методы исследования

Нами были выбраны и классифицированы флоронимы из лирических стихотворений поэта, собранных в 1 томе полного собрания сочинений поэта [Есенин, 1995].

Результаты исследования

С точки зрения принадлежности к грамматическим классам, самыми распространёнными являются имена существительные – 325 лексем из 339. Наиболее частотны лексемы *береза, трава, рожь, клен, тополь*.

Вторым по продуктивности выступает класс прилагательных, в данной группе он представлен только лексемами: *березовый* (3 раза); *овсяный* (3); *маковый* (1); *рябиновый* (1), *травной* (1), а также *деревянный* (3) в значении «сделанный из дерева». Деепричастия представлены в 2 окказиональных употреблениях:

*Мудростью пухнет слово,
Вязью колося поля.* [Есенин, 1995, II, с. 49]

Но ведь дуб молодой, не разжелудясь

Также гнётся, как в поле трава [Есенин, 1995, I, с. 162].

С точки зрения тематической, флоронимы распределяются по следующим группам: *деревья, кустарники, цветы, травы, зерновые и овощные культуры*. К наиболее многочисленной тематической группе «Деревья» относятся следующие наименования: *дерево* (ядро ТГ), *береза* (32 употребления), *клен* (21), *тополь* (19), *черемуха* (18), *ель* (13), *сосна* (12), *осина* (11), *рябина* (9), *яблоня* (6). Полученные данные соответствуют данным «Словаря языка Есенина» Г. И. Шипулиной [Шипулина, 2013]. Из 339 стихотворений С. А. Есенина в 199 стихах упоминается конкретное дерево. Образы природы у С. А. Есенина находятся в тесной связи с фольклором. В древности дерево связывали с духовными силами, с жизнью и смертью. У разных национальностей было свое дерево, которое считали священным [Дмитриева, 2014, 2015, 2016; Юрков, 2012]. Деревья у Есенина – одушевленные существа. Они играют важную роль в раскрытии мира лирического героя и самого поэта. [Камаль Зейнаб, 2011; Охлопкова, 2016]. Эти образы мы исследуем в данной работе.

«Не я выдумал образ березы, он был и есть основа русского духа и глаза, но я первый развил его и положил основным камнем в своих сти-

хах», – писал поэт. [Цит. по: Воронова, 2014, с. 28]. По словам М. Эпштейна, «береза во многом именно благодаря Есенину стала национальным поэтическим символом России» [Цит. по: Смирнова, 1999, с. 92–95].

Образ дерева в стихах С. Есенина восходит к народной поэзии славян [Самоделова, 2018], которые видели в образе «древа жизни» символ гармонии, поэтому дерево символизирует жизнь и смерть (цветение или сухость), представления о мире (низ – царство под землей, середина – земля, а верх – небо над головой), дерево в целом можно сравнить с человеком (верхняя часть, поднимающаяся к небу, – голова, ноги – корни, которые чувствуют силу на земле, руки вытянуты как ветви, обнимающие окружающий мир). [Чжан Сяоцинь]. Однако для Есенина сравнение человека с деревом – это не просто «религия мысли»: он не только верил в существование связи человека с миром природы, но и чувствовал себя частью этой природы [Воронова, 2014]. Мотив сравнения человека с природой прослеживается в наделинии деревьев «портретными» деталями: *береза – «стан, бедра, грудь, ноги, прическа, подол, косы», клен – «голова»*.

Береза чаще всего становится героиней произведений Есенина. Это невеста, девушка. Цвета, употребляемые в сочетании с лексемой, светлые, нежные [Герасименко, 2019]. Береза ассоциируется с молодостью, юностью: «страна березового ситца». В поэтическом мировосприятии С. Есенина образ берёзы занимает центральное место [Чернецкая, 2018]. Не случайно он появляется в самом первом написанном стихотворении:

*Хорошо и тепло,
Как у зимней печки.*

*И березы стоят,
Как большие свечки* [Есенин, 1995, I, с. 15];

и в первом опубликованном стихотворении поэта. Берёза в художественной картине мира С. Есенина является символом России и малой родины [Банерджи Ранджана, 2018].

*Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром* [Есенин, 1995, IV, с. 38].

Любовь поэта к России настолько сильна, что стоит любых жертв: «*За березовую Русь С нелюбимой помирюсь*» [Есенин, 1995, I, с. 224].

В более поздних стихах береза символизирует воспоминания о беззаботной юности:

И страна березового ситца

Не заманит шляться босиком [Есенин, 1995, I, с. 120].

Два основных ассоциативных образа, связанных с берёзой, прослеживаются в поэтическом творчестве С. А. Есенина: образ девушки и образ малой родины.

Женские образы реализуются через непосредственное сравнение: «*Как жену чужую, обнимал берёзку...*»; а также путём создания авторских метафор: «*На березке пообъедена кора, – Выживают мыши девушку с двора*» [Есенин, 1995, I, с. 30].

Ассоциации с женской фигурой порождают наделение деталями портрета: «*Так и хочется к телу прижать Обнаженные груди берез*» [Есенин, 1995, I, с. 125];

Зеленая прическа,

Девическая грудь.

О тонкая березка,

Что загляделась в пруд? [Есенин, 1995, I, с. 123];

Я навек за туманы и росы

Полюбил у березки стан,

И ее золотистые косы,

И холицовый ее сарафан [Есенин, 1995, I, с. 245].

Образ берёзы как символ малой родины также неоднозначен. С одной стороны, это примета любимой рязанщины, вызывающая в памяти мать, дом: «*На бугре береза-свечка // В лунных перьях серебра*» [Есенин, 1995, I, с. 20]; «*Отражаясь, березы ломались в пруду*» [Есенин, 1995, I, с. 27];

Я покинул родимый дом,

Голубую оставил Русь.

В три звезды березняк над прудом

Теплит матери старой грудь [Есенин, 1995, I, с. 105].

С другой стороны, берёзовая роща – это храм, поэтому в природных зарисовках появляются религиозные мотивы: «*За прощальной стою обедней // Кадящих листвою берез*» [Есенин, 1995, I, с. 136]; «*Троицыно утро, утренний канон, В роще по березкам белый перезвон*» [Есенин, 1995, I, с. 31];

Здравствуй, златое затишье

С тенью березы в воде!

Галочья стая на крыше

Служит вечерню звезде [Есенин, 1995, I, с. 131].

Олицетворение берёзы приводит к созданию авторских метафор:

И золотеющая осень,

В березах убавляя сок,

За всех, кого любил и бросил,

Листою плачет на песок [Есенин, 1995, I, с. 237].

Таким образом, береза для поэта имела прямую истинную связь с Родиной, и вся Русь была для С. А. Есенина «березовой». Береза С. А. Есенина становится «героиней» большинства стихотворений как символ любви к своему краю, к своей родине, к отеческому дому.

Есть у С. А. Есенина стихотворение, в котором он вспоминает сразу четыре дерева: клен, сосну, вербу, березку:

Там вон встретил вербу, там сосну приметил,

Распевал им песни под метель о лете.

Сам себе казался я таким же кленом,

Только не опавшим, а всюю зеленым.

И, утратив скромность, одуревши в доску,

Как жену чужую, обнимал березку [Есенин, 1995, IV, с. 172].

Клён – любимое с детства дерево, с ним связаны воспоминания о юности:

В те края, где я рос под кленом,

Где резвился на желтой траве, –

Шлю привет воробьям, и воронам,

И рыдающей в ночь сове [Есенин, 1995, I, с. 181];

и анализ пройденного жизненного пути: «*Нынче – юность моя отиумела, // Как подгнивший под окнами клен*» [Есенин, 1995, I, с. 207]. Так клён становится символом увядания: «*Все мы, все мы в этом мире тленны, // Тихо льется с кленов листьев медь...*» [Есенин, 1995, I, с. 161] и несёт в себе образ лирического героя:

И я знаю, есть радость в нем

Тем, кто листьев целует дождь,

Оттого, что тот старый клен

Головой на меня похож [Есенин, 1995, I, с. 143].

Из хвойных деревьев – ели и сосны – преимущественно первое связано с художественным видением поэта [Скороходов, 2019, с. 21]. Часто возникают женские образы: «*Пригорюнились девушки-ели...*» [Есенин, 1995, I, с. 32]; или религиозные мотивы:

*И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях – крылья херувима,
А под пеньком – голодный Спас* [Есенин, 1995, I, с. 41].

Сосна в большей мере вызывает чувственное восприятие и воспоминания о милой родине: «*Никнут шелковые травы, Пахнет смолистой сосной*» [Есенин, 1995, I, с. 34].

Образ рябины у С. А. Есенина тесно связан с проявлениями эмоций человека и воплощается в метафоричных образах и сравнениях: «*В саду горит костер рябины красной, Но никого не может он согреть*» [Есенин, 1995, I, с. 157];

*О красном вечере задумалась дорога,
Кусты рябин туманней глубины.
Изба-старуха челюстью порога
Жует пахучий мякиш тишины* [Есенин, 1995, I, с. 59].

Тополь также связан с воспоминаниями о доме детства: «*А у низеньких околиц Звонно чахнут тополя*» [Есенин, 1995, I, с. 59]. Посаженный Сергеем Есениным у дома родителей в селе Константиново Рязанской области тополь удостоен общегосударственного статуса «Дерево – памятник живой природы» [Никольский, 2020].

Еще один любимый Есениным образ – образ черёмухи. Её цветение, особенно бурное по берегам Оки, поэт сравнивает со снегом, метелью, вьюгой: «*Сыплет черемуха снегом, Зелень в цвету и росе*» [Есенин, 1995, I, с. 34]; «*Хорошо в черемуховой вьюге Думать так, что эта жизнь – стезя*» [Есенин, 1995, I, с. 179];

*В окна бьют без промаха
Вороны крылом,
Как метель, черемуха
Машет рукавом* [Есенин, 1995, I, с. 50].

Красота черёмухи недолговечна, поэтому становится символом проходящего: «*Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха – Все равно любимая отцветет черемухой*» [Есенин, 1995, I, с. 164], но дорогого, память о чём надо сохранить: «*Я учусь, я учусь моим сердцем Цвет черемух в глазах беречь...*» [Есенин, 1995, I, с. 106]. Тот же мотив невозвратно ушедшего связан в стихах Есенина с цветением яблонь:

*Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,*

Я не буду больше молодым [Есенин, 1995, I, с. 164].

Особая метафоричная манера С. А. Есенина проявляется в художественном олицетворении деревьев: «*Тёмным елям снится гомон косарей*» [Есенин, 1995, I, с. 53]; «*Запах ладана от роиц ели льют, Звонки ветры панихидную поют*» [Есенин, 1995, I, с. 31]; «*Спит черемуха в белой накидке*» [Есенин, 1995, I, с. 158]; «*Держат липы в зеленых лапах Птичий гомон и щебетню*» [Есенин, 1995, I, с. 175]; «*Мир осинам, что, раскинув ветви, Загляделись в розовую воду!*» [Есенин, 1995, I, с. 201]; а также смешении чувственных восприятий: наряду со зрительными образами возникают звуковые: «*О мед воспоминаний! О звон далеких лип!*» [Есенин, 1995, I, с. 134]; «*И вызванивают в четки Ивы, кроткие монашки*» [Есенин, 1995, I, с. 38]; «*Не шуми, осина, не пыли, дорога. Пусть несется песня к милой до порога*» [Есенин, 1995, I, с. 241];

*Может, завтра совсем по-другому
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек* [Есенин, 1995, I, с. 149].

Основной чертой идиостиля поэта при описании природы становится одушевление её объектов и прямое их использования для описания душевного состояния человека: «*Эх, любовь-калинушка, кровь – заря вишневая*» [Есенин, 1995, I, с. 217];

*Хорошо под осеннюю свежесть
Душу-яблоню ветром стряхать
И смотреть, как над речкою режет
Воду синюю солнца соха* [Есенин, 1995, I, с. 144].

Вторая условная группа флоронимов – цветы и травы – также обширно представлена в лирике С. А. Есенина. О себе поэт писал: «*Родился я с песнями в травном одеяле*» [Есенин, 1995, I, с. 29]. Анализируя использование лексем данного значения, мы, с одной стороны, констатируем их обилие и разнообразие: трава (56), рожь (41), роза (32), колокольчик (10), мак (7), ковыль (5), крапива (5) и др.; с другой стороны, специфическую сочетаемость флоронимов в речи, что характеризует идиостиль поэта. Стоит отметить две основные функции флоронимов в художественном тексте: для характеристики душевного состояния лирического героя и как часть пейзажа. Поэтический манифест С. А. Есенина, пожа-

луй, содержится в строках: «Из трав мы вяжем книги, Слова трясем с двух пол» [Есенин, 1995, I, с. 110]. Таким образом, природа – это и источник вдохновения, и материал для поэзии, и средство создания художественных образов. Близость состояния души и состояния природы отражена в строках: «И душа моя – поле безбрежное – Дышит запахом меда и роз» [Есенин, 1995, I, с. 161]; «В незримых пашнях растут слова, Смешалась с думой ковыль-трава» [Есенин, 1995, I, с. 102]. При описании пейзажа травы и цветы, в первую очередь, являются отправной точкой воспоминаний о малой родине: «Вижу лес и вечернее полемя, И обвитый крапивой плетень» [Есенин, 1995, I, с. 24]; «Под венком лесной ромашки Я строгал, чинил челны...» [Есенин, 1995, I, с. 19]; «От вихлистого приволья Гнутя травы, мнетя лист» [Есенин, 1995, I, с. 35];

*В том краю, где желтая крапива
И сухой плетень,
Приютились к вербам сиротливо
Избы деревень* [Есенин, 1995, I, с. 24];

*И часто я в вечерней мгле,
Под звон надломленной осоки,
Молюсь дымящейся земле
О невозвратных и далеких* [Есенин, 1995, I, с. 70].

Особую поэтическую манеру создаёт использование С. Есениным флоронимов не в предметном, а в признаковом значении [Титова, 2005], например, для характеристики цвета глаз:

Васильками сердце светится, горит в нем бирюза.

Я играю на тальяночке про синие глаза [Есенин, 1995, I, с. 26].

Еще одной особенностью является намеренное игнорирование коннотации и, следовательно, сочетаемости. Так, не имеющее возвышенно-поэтической семантики слово *сучья* сочетается с лексемами *теплятся, золотой, тайна*:

*То сучья золотых стволов,
Как свечи, теплятся пред тайной,
И расцветают звезды слов*

На их листве первоначальной. [Есенин, 1995, I, с. 138].

Будучи по происхождению крестьянским сыном, С. Есенин не обошёл в своём творчестве слова тематической группы «зерновые и овощные культуры»: *рожь, овес, хлеб, злак, греча, капуста, картофель, горох, огурец*. Традиционно

народное ценностное отношение к хлебным культурам находит специфическое выражение в творчестве С. Есенина:

*Я хожу в цилиндре не для женщин.
В глупой страсти сердце жить не в силе.
В нем удобней, грусть свою уменьшив,
Золото овса давать кобыле* [Есенин, 1995, I, с. 165].

Метафора *золото овса* перерождается в цветовой эпитет *овсяный*: «Овсяным ликом питаю дух, Помощник жизни и тихий друг» [Есенин, 1995, I, с. 79].

С. А. Есенин часто использует названия овощей, показывая местную специфику и колорит: «Тянусь к теплу, вдыхаю мягкость хлеба И с хрустом мысленно кусаю огурцы» [Есенин, 1995, I, с. 64]; вспоминая родные места: «На грядки серые капусты волноватой Рожок луны по капле масло льет» [Есенин, 1995, I, с. 79]; а также гиперболизируя свою простонародность:

*Провоняю я редькой и луком
И, тревожа вечернюю гладь,
Буду громко сморкаться в руку
И во всем дурака валять* [Есенин, 1995, I, с. 161].

Заключение

Таким образом, значимость для автора тематического компонента определяется большим количеством словоупотреблений. Номинации растительного мира частотны в лирике С. А. Есенина. Их основные функции в поэтическом тексте: создание пейзажа, причём флоронимы чаще всего вызывают воспоминания о родном крае, а также изображение душевных переживаний лирического героя путём метафорического переноса значений, художественного олицетворения и нарушения лексической сочетаемости. Все названные особенности словоупотребления создают индивидуальный стиль поэта Сергея Есенина. Кроме того, через употребление лексем данной тематической группы прослеживается близость автора к природе и народной среде, заложенные в детстве мифологические представления о травах и деревьях, фольклорные традиции в представлении русской природы и души человека, что расширяет наше представление о языковой и поэтической картине мира С. А. Есенина.

Исследование флоронимов в художественной речи имеет большие перспективы, так как знание закономерностей словоупотребления важно для

понимания русской культуры, обрядов, традиций. Исследование лексем тематической группы «Номинации растительного мира» как единицы культуры должно быть многоаспектным и комплексным, что предполагает опору на широкий круг библейских, фольклорных и этнографических источников, только при таком подходе могут быть раскрыты их семантические особенности, сакральная и мифологическая символика.

Библиографический список

1. Банерджи Ранджана. Тема «малой» и «большой» родины в лирике Сергея Есенина и Рабиндраната Тагора // Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. Ч. III: Сб. науч. трудов. Москва – Константиново – Рязань : Государственный музей-заповедник С. А. Есенина, 2018. Сер. «Есенин в XXI веке». Вып. 6. С. 168–182.
2. Воронова О. Е. Поэтический космос С. А. Есенина в контексте традиций православной храмовой культуры // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. Вып. 2. С. 81–90.
3. Воронова О. Е. «За берёзовую Русь...»: поэтика есенинского эпитета // Современное есениноведение. 2014, № 30. С. 24–47.
4. Герасименко И. А. Семантика цветообозначений в поэтике С. А. Есенина // «Современное есениноведение». 2019, № 3 (50). С. 59–62.
5. Дмитриева Ю. Л. Образ мирового дерева сквозь призму русской лингвокультуры / Ю. Л. Дмитриева, И. А. Герасименко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». Москва : Изд-во РУДН, 2015. №4. С. 16–22.
6. Дмитриева Ю. Л. Образно-ассоциативный компонент концепта 'БЕРЕЗА' (на материале произведений С. Есенина) // Лингвистический вестник: сб. науч. тр.; [науч. ред. И. А. Герасименко]. Киев : Издательский дом Дмитрия Бурого, 2014. Вып. 1. С. 64–69.
7. Дмитриева Ю. Л. Образно-ассоциативный компонент концепта 'ВЕРБА' // Східнослов'янська філологія. Мовознавство. Вип. 25. / Горлівський ін.-т іноземних мов; Донецький нац. ун-т. Горлівка : Видавництво ГІМ ДВНЗ «ДДПУ», 2013. С. 89–96.
8. Дмитриева Ю. Л. Языковое воплощение образа дерева (на материале произведений С. Есенина, М. Кузмина, Н. Клюева) // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: Сборник статей XVI Всероссийской научно-практической конференции. Москва : Изд-во РУДН, 2016. С. 129–132.
9. Есенин С. А. Полное собрание сочинений в семи томах. Т. 1, 2, 4. Москва : «Наука» – «Голос», 1995.
10. Камаль Зейнаб А. Роль фитонимов в репрезентации художественной картины мира С.А. Есенина / Камаль Зейнаб А., Чарыкова О. Н. // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2011. № 1. С. 78–80.
11. Никольский А. А. Словарь диалектной лексики в поэзии С.А. Есенина // «Современное есениноведение», 2020, № 1 (52). С. 43–48.
12. Охлопкова Е. А. Лексика природы в лирике С. А. Есенина // Молодой ученый. 2016. № 6.4 (110.4). С. 30–32. URL: <https://moluch.ru/archive/110/27271/> (дата обращения: 17.03.2021).
13. Самоделова Е. А. Фольклорные комментарии к произведениям Есенина: по материалам Этнологического архива Рязанской области // Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. Ч. III: Сб. науч. трудов. Москва – Константиново – Рязань : Государственный музей-заповедник С.А. Есенина, 2018. Сер. «Есенин в XXI веке». Вып. 6. С. 335–360.
14. Скороходов М. В. «Задымился вечер, дремлет кот на бруссе...» (1912). Проект статьи для «Есенинской энциклопедии» // «Современное есениноведение», 2019, № 3 (50). С. 20–21.
15. Смирнова Л. А. Русская литература XX века. Москва : Просвещение, 1999. 334 с.
16. Титова В. С. Мир душистых растений в поэзии С. А. Есенина. Москва : Советский писатель, 2005. 167 с.
17. Чернецкая А. А. Образ берёзы в русской лингвокультуре (на материале произведений С. А. Есенина) // «Современное есениноведение», 2018, № 3 (46). С. 101–105.
18. Чжан Сяоцин. Поэтическая номинация растительного мира в лирике С. Есенина (на фоне поэтической номинации китайской поэзии начала XX века) // Иностранные языки и языкознание. URL: https://otherreferats.allbest.ru/languages/00842680_2.htm (дата обращения: 17.03.2021).
19. Шипулина Г. И. Словарь языка Есенина. Имя существительное. Баку : Мутарджим, 2013. 588 с.
20. Юрков Е. Е. Метафора лингвокультурного кода «растения» в аспекте лингвокультурологии // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2012. № 1. С. 137–141.

Reference list

1. Banerdzhi Randzhana. Tema «maloj» i «bol'shoj» rodiny v lirike Sergeja Esenina i Rabindranata Tagora = «Small» and «big» homeland in the lyrics of Sergei Yesenin and Rabindranath Tagore // Sergej Esenin. Lichnost'. Tvorchestvo. Jepoha. Ch. III: Sb. nauch. trudov. Moskva – Konstantinovo – Rjazan': Gosudarstvennyj muzej-zapovednik S. A. Esenina, 2018. Ser. «Esenin v XXI veke». Vyp. 6. S. 168–182.
2. Voronova O. E. Pojeticheskij kosmos S. A. Esenina v kontekste tradicij pravoslavnoj hramovoj kul'tury = Yesenin's poetic cosmos in the context of the Orthodox temple culture traditions // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly. 2016. Vyp. 2. S. 81–90.
3. Voronova O. E. «Za berjozovuju Rus'...»: pojetika eseninskogo jepiteta = «For the birch-tree of Russia...»: poetics of the Yesenin's epithet // Sovremennoe eseninoovedenie. 2014, № 30. S. 24–47.

4. Gerasimenko I. A. Semantika cvetooboznachenij v pojetike S. A. Esenina = Semantics of color signifiers in S. A. Esenin's poetics. // «Sovremennoe eseninovedenie». 2019, № 3 (50). S. 59–62.
5. Dmitrieva Ju. L. Obraz mirovogo dereva skvoz' prizmu russkoj lingvokul'tury = The image of the world tree through the prism of Russian linguistic culture / Ju. L. Dmitrieva, I. A. Gerasimenko // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija «Russkij i inostrannye jazyki i metodika ih prepodavanija». Moskva : Izd-vo RUDN, 2015. №4. S. 16–22.
6. Dmitrieva Ju. L. Obrazno-associativnyj komponent koncepta 'BEREZA' (na materiale proizvedenij S. Esenina) = Imaginative and associative component of the concept BIRCH-TREE (based on the works of S. Yesenin) // Lingvisticheskij vestnik: sb. nauch. tr.; [nauch. red. I. A. Gerasimenko]. Kiev : Izdatel'skij dom Dmitrija Burago, 2014. Vyp. 1. S. 64–69.
7. Dmitrieva Ju. L. Obrazno-associativnyj komponent koncepta 'VERBA' = Imaginative-associative component of the 'WILLOW' concept // Shidnoslov'jans'kafilologija. Movoznavstvo. Vip. 25. / Gorlivskij inozemnihmov; Doneckij nac. un-t. Gorlivka : Vidavnictvo GIIM DVNZ «DDPU», 2013. S. 89–96.
8. Dmitrieva Ju. L. Jazykovoje voploshhenie obraza dereva (na materiale proizvedenij S. Esenina, M. Kuzmina, N. Kljueva) = Linguistic embodiment of the tree image (in the works of S. Yesenin, M. Kuzmin, N. Klyuev) // Aktual'nye problemy russkogo jazyka i metodiki ego prepodavanija: Sbornik statej XVI Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii. Moskva : Izd-vo RUDN, 2016. S. 129–132.
9. Esenin S. A. Polnoe sobranie sochinenij v semi tomah. T. 1, 2, 4 = Complete works in seven volumes. V. 1, 2, 4. Moskva : «Nauka» – «Golos», 1995.
10. Kamal' Zejnab A. Rol' fitonimov v reprezentacii hudozhestvennoj kartiny mira S.A. Esenina = The role of phytonyms in representing Yesenin's picture of the world / Kamal' Zejnab A., Charykova O. N. // Vestnik VGU. Serija Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija. Voronezh, 2011. № 1. S. 78–80.
11. Nikol'skij A. A. Slovar' dialektnoj leksiki v poezii S.A. Esenina = Dialect vocabulary in the poetry of S.A. Yesenin // «Sovremennoe eseninovedenie», 2020, № 1 (52). S. 43–48.
12. Ohlopkova E. A. Leksika prirody v lirike S. A. Esenina = The lexicon of nature in the lyrics of S. A. Esenin // Molodoj uchenyj. 2016. № 6.4 (110.4). S. 30–32. URL: <https://moluch.ru/archive/110/27271/> (data obrashhenija: 17.03.2021).
13. Samodelova E. A. Fol'klornye kommentarii k proizvedenijam Esenina: po materialam Jetnologičeskogo arhiva Rjazanskoj oblasti = Folklore commentaries on Yesenin's works: based on materials of the Rязan Regional Ethnological Archive // Sergej Esenin. Lichnost'. Tvorčestvo. Jepoha. Ch. III: Sb. nauch. trudov. Moskva – Konstantinovo – Rязan': Gosudarstvennyj muzej-zapovednik S.A. Esenina, 2018. Ser. «Esenin v XXI veke». Vyp. 6. S. 335–360.
14. Skorohodov M. V. «Zadymilsja večer, dremlet kot na bruse...» (1912). Proekt stat'i dlja «Eseninskogo jenciklopedii» = « Smoky evening, a cat is dozing on the beam...» (1912). Draft article for the «Yesenin encyclopedia» // «Sovremennoe eseninovedenie», 2019, № 3 (50). S. 20–21.
15. Smirnova L. A. Russkaja literatura XX veka = Russian literature of the XX century. Moskva : Prosveshhenie, 1999. 334 s.
16. Titova V. S. Mir dushistyh rastenij v poezii S. A. Esenina = The world of fragrant plants in Yesenin's poetry. Moskva : Sovetskij pisatel', 2005. 167 s.
17. Černeckaja A. A. Obraz berjozy v russkoj lingvokul'ture (na materiale proizvedenij S. A. Esenina) = The image of the birch-tree in Russian linguistic culture (on S. A. Yesenin' works) // «Sovremennoe eseninovedenie», 2018, № 3 (46). S. 101–105.
18. Čhžhan Sjaocin'. Pojetičeskaja nominacija rastitel'nogo mira v lirike S. Esenina (na fone pojetičeskoj nominacii kitajskoj poezii nachala HH veka) = Poetic naming of the plant world in S. Esenin's lyrics (against the background of the poetic names in Chinese poetry of the early XX century) // Inostrannye jazyki i jazykoznanie. URL: https://otherreferats.allbest.ru/languages/00842680_2.html (data obrashhenija: 17.03.2021).
19. Šipulina G. I. Slovar' jazyka Esenina. Imja sushhestvitel'noe = A Lexicon of Yesenin's language. Noun. Baku : Mutardzhim, 2013. 588 s.
20. Jurkov E. E. Metafora lingvokul'turnogo koda «rastenija» v aspekte lingvokul'turologii = Metaphor of the linguocultural code «plants» in the aspect of linguoculturology // Vestnik VGU. Serija: Filologija. Žhurnalistika. 2012. № 1. S. 137–141.